

7. Gabriella Montinola. Federalism, Chinese Style: The Political Basis for Economic Success in China / Gabriella Montinola, Yingyi Qian, Barry R. Weingast // World Politics. – 1995. – N 48 (1). – P. 50–81
8. Gerald Segal. No Access China's Changing Shape // Foreign Affairs. – 1994. – Vol. 73, N 3. – P. 43–58.
9. Gerald Segal. Deconstructing Foreign Relations // Goodman D., Segal G. (eds). China Deconstructs: Politics, Trade and Regionalism. – London : Routledge. 1994. – P. 333–355.
10. Heung Kyu Kim. The Politics of Fiscal Standardization in China: Fiscal Contract Versus Tax Assignment // Asian Perspective. – 2004. – Vol. 28, N 2. – С. 171–203.
11. Huang Yasheng. Capitalism with Chinese Characteristics: Entrepreneurship and the State. Cambridge University Press. 2008. – 366 с.
12. Jing Vivian Zhan. Decentralizing China – analysis of central strategies in China's fiscal reform // Journal of Contemporary China. – 2009. – Vol. 18. – P. 445–462.
13. Kai-yuen Tsui, Youqiang Wang. Between Separate Stoves and a Single Menu: Fiscal Decentralization in China // The China Quarterly. – 2004. – N 177. – P. 71–90.
14. Susan H. Whiting. Central-Local Fiscal Relations in China // China Policy Series. – 2007. – N 22. – 44 p.

ЛЕУСЕНКО И. В.

СОЦИЕТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА

Российский субэтнос как историческая общность, обладающая уникальными социокультурными характеристиками, на протяжении длительного периода формировался под воздействием стратегических угроз по отношению к национальной и конфессиональной идентичности ее народов. Такие особенности развития российской цивилизации, как содержание политико-правовых механизмов, опора на мобилизационный тип развития и коммунитарность как наиболее эффективный вектор системы социальной интеграции, представляют основной смыслообразующий концепт безопасности общества в целом, который сформировался в процессе исторического развития, стал основой взаимодействия институциональной структуры общества и индивидуально-ценностного сознания россиян как общности, разделяющей представления об историческом прошлом и настоящем, всемирно-исторической миссии нации и типе элитарной идеологии.

Социетальный анализ как метод, как способ рассмотрения игры социальных институтов, как язык общения с читателем подразумевает системный анализ и характеристику общественных институтов с позиции общества в целом. Социетальная социология подразумевает, что социальная ткань, реальность представляет собой продукт постоянного взаимодействия ряда систем

(политической, экономической, системы социализации, культурной системы, личностной системы и системы биологического организма¹⁰). Позиция, опора, мыслительный ряд социетального социолога развиваются именно от характеристики отдельного социального института с позиции целого [1].

Уже исследования Э. Дюркгейма и М. Вебера показали, что изучение духовно-нравственной сферы жизни личности, целей ее деятельности и социальных язв общества является все более значимым.

В социологии понятие «социетальный», «социетальное» традиционно используется, когда необходимо рассмотреть общество с больших, наиболее значимых позиций, показать взаимозависимость элементов социокультурной сферы общества. Исследователи употребляют данные понятия в контексте какой-то особой сферы, отмечают наличие, наряду с традиционными общественными связями, какого-то особого общества, описание которого отражает взаимодействие наиболее глубинных закономерностей развития, стремясь показать работу механизма этого взаимодействия внутри общества. В российских справочных изданиях термин «социетальный» до сих пор отсутствует.

Методологический концепт изучения социетальности сформировался в западной социологии на протяжении последних тридцати-сорока лет (Т. Парсонс, А. Турен, А. Мелуччи). Дело в том, что западные социологи ранее всего столкнулись с распадом основных социальных групп, явлениями социальной аномии, деформациями в ценностных ориентациях вследствие негативных последствий глобализации и усиления влияния технологий на социальную сферу. Методологический подход Т. Парсонса способствовал выведению проблемы социально-духовного как социетального, и, в дальнейшем, социетальной безопасности на операциональный уровень, т. е. на уровень, при котором проблема может рассматриваться не только с точки зрения факторов и корней ее возникновения, но и в рамках границ определенной модели, благодаря возможностям системы, благодаря созданию

¹⁰ В трактовке основателя американской социетальной социологии Т. Парсонса система социетальной общности структурирует свои отношения к трем системам действия – культурной, личностной и биологического организма. Это создает три функциональных подсистемы социальной системы: политическую, экономическую и систему социализации. Социальная система составляет интегративное «ядро» системы действия («единичного акта»). Социальная система основывается на системе «социетальной общности» как системе нормативных образцов, посредством которых упорядочивается и организуется совместная жизнедеятельность индивидов.

как бы объемной модели исследуемой проблемы, когда операциональные понятия системы выражают действительное содержание, связанное со взаимозависимостями в рамках системы и движением внутри системы, информационно повторяющим движение социального мира, т. е. закономерности развития общества, а не только передают смысловое содержание того, что в них содержится (такие понятия принято называть эмпирическими).

Как отмечает А. Турен, все ведущие тенденции современности (разрушение систем политического, социального, правового контроля за экономической деятельностью, разобщенность работы этих систем, господство глобального мировоззрения при подавлении национальных социальных институтов) приводят к кризису идентичности (национальной, этнической, религиозной, местной, сексуальной и семейной), в основе которого лежит нарушение связей между культурой, знанием и социальным действием [2].

Благодаря программе социетальной социологии мы получаем в политической науке возможность изучать изменение восприятия содержания социальной реальности, типа социальной интеграции и трансформации механизма формирования социальной нормы как элементов общей системы конструирования практической социальной реальности в качестве окружающего физического, социального, политического, экономического, промышленного и т. д. миров человека.

Социальная реальность последних десятилетий традиционно описывается через призму методологии социальной трансформации. Значительные перемены в идеологии и в политической сфере, в системах социальной интеграции и структуре классов, все то, что сделало процесс изменений постоянным, благодаря усилиям социологии превратили его в одну из существенных характеристик социальной жизни. Новое разложение массового сознания и социальных связей в обществе, новая, вслед за отмеченной в начале XX столетия, аномия пролегла через души на уровне ценностного восприятия действительности. Экономические и политические процессы, которые в самом начале прошлого столетия приняли лавинообразный характер, заслонили от нас первоначально те изменения, которые были связаны со сферой индивидуального сознания и поведения человека.

Сегодня наиболее видимый характер получили свидетельства того, что индивидуальное сознание человека, его ценностные ориентации являются главной целью негативного массированного воздействия, и деструктивные процессы в этой области оказывают воздействие на жизнь общества в целом. Индивидуальные

жизненные стратегии, характеристики культурной жизни, мотивации человека – все это стало более важным после технологического рывка 70–80-х гг. прошлого столетия, чем уровень развития экономических сил общества, возможности производства, характеристики финансового национального благополучия. В предыдущие исторические эпохи социально-духовная сфера жизни общества, морально-нравственный потенциал индивидов имели не меньшее значение, но после того, как технологии обеспечили стабильное существование ряда национальных сообществ, в силу особенностей мирового развития капитализма, прежде всего европейских стран и США, стало более видимым то, что главным является человек и его духовно-нравственные ориентиры во всех сферах его бытия.

В российском обществе ввиду процессов модернизации зревают явления, сходные по своему содержанию с последствиями глобализации в западном сообществе. Абстрагируясь от оценки взаимообусловленности этих процессов, следует, тем не менее, заметить, что процессы социальной трансформации, проявляясь в размывании основных социальных групп, утрате ценностных ориентаций и социальной дезадаптации, способствуют развитию наиболее крайних проявлений социальной аномии, таких как самоубийства, полный отказ от социально одобряемых практик, расширение масштабов деприваций и преступных проявлений.

Российский тип социальности, несмотря на колоссальный запас прочности на макросоциальном уровне, наименее прочен на уровне микросоциальности, тогда как микросоциальность подвергается агрессивному воздействию в современном мире под влиянием процессов глобализации. Масштабные институциональные реформы 90-х гг. прошлого столетия, способствовавшие изменению условий функционирования российского общества и развертыванию явлений социальной деструкции и аномии среди представителей большинства возрастных категорий населения, заставляют по-новому посмотреть на оптимизацию механизмов социальной интеграции в российском обществе как части общей работы по совершенствованию социальности безопасности и имиджа государства.

Примечания

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь. М., 2004.
2. Турен А. Социальные изменения XX столетия / пер. с фр. В. Н. Фоминой // Социол. обозрение. 2002. Т. 2, № 4.